

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Борисов А.А. Якутский князь Мазары Бозеков в историографии: опыт биографической реконструкции // Genesis: исторические исследования. 2024. № 3. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.3.69902 EDN: OTSJYY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69902

Якутский князь Мазары Бозеков в историографии: опыт биографической реконструкции

Борисов Андриан Афанасьевич

доктор исторических наук

Главный научный сотрудник, ИГИИПМНС СО РАН

677000, Россия, республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Петровского, 1, оф. 409

✉ a_a_borisov@mail.ru

[Статья из рубрики "Личность в истории"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.3.69902

EDN:

OTSJYY

Дата направления статьи в редакцию:

19-02-2024

Дата публикации:

28-03-2024

Аннотация: Предметом исследования является историография личности якутского князя Мазары Бозекова (1633-1703), оставившего глубокий след в истории взаимоотношений между Российским государством, с одной стороны, и представителями якутской элиты, с другой. Объектом исследования является биография Мазары Бозекова, которая, как считает автор статьи, получила одностороннюю трактовку, обусловленную её идеологизированием в советское время. Автор впервые рассмотрел проблему с точки зрения анализа исследовательских подходов ученых, которые обращались к изучению личности якутского князя. Изучены такие аспекты как выявление природы стереотипов, сложившихся в отношении его, сопоставление научных взглядов исследователей - представителей национальной интеллигенции раннего периода, ведущих советских историков из центральных научных учреждений страны, якутских историков разных

поколений, характер использованных ими источников. Автор стремился опереться на такие методологические принципы как тщательный подбор цитат для иллюстрации авторского подхода и стиля к изучаемой теме. Другим принципом выступил учёт основных исторических тенденций эпохи, в которой жил Мазары Бозеков. Основными выводами исследования являются следующие. Специальных научных публикаций, посвященных личности якутского князя Мазары Бозекова не было, за исключением, некоторых статей научно-популярного характера. Исследователи, в основном, советского периода, с самого начала стали придавать личности якутского князя определенный идеологизированный подтекст. Наибольших успехов достигли С.В. Бахрушин и С.А. Токарев. Последнему удалось ввести в научный оборот немало документов, в том числе по раннему и по позднему периоду в жизни Мазары Бозекова. Новизна исследования заключается в том, что автор наметил перспективные направления дальнейших исследований. Он считает, что современные теоретико-методологические подходы позволяют по-новому взглянуть на личность Мазары Бозекова. В частности, это видно по последней работе В.Н. Иванова, в которой он ввел в научный оборот новые архивные материалы из РГАДА и в которой он предложил рассматривать якутских князей, участвовавших в поездках, как этнических лидеров. Изучение поставленной проблемы требует новых исследований в плане не только поиска дополнительных источников, но и с точки зрения её современного научного осмысления.

Ключевые слова:

Мазары Бозеков, якутский князь, историография, проблемы, изученность, труды, биография, исследования, источники, историки

Историография - вспомогательная историческая дисциплина, требующая особого отношения к своему предмету, тем более когда речь идет об изучении трудов, посвященных историческим личностям, и, особенно, относящимся к представителям власти разного уровня. Чем дальше от наших дней отстоит время, когда они жили, тем больше возникает условностей и требований к исследованиям. В частности, XVII столетие, в котором жил якутский князь Мазары Бозеков (1633 - 1703) отличалось насыщенностью и динамичностью событий, оказавших эпохальное воздействие на ход отечественной истории (Смута, войны с Польшей, Швецией, Турецкой империей, Раскол, принятие «Соборного уложения 1649 г.», крестьянские и городские восстания, продвижение в Сибирь и т.д.). В лице Мазары Бозекова видят первого представителя якутской элиты, вступившего в непосредственные отношения с высшей властью и благодаря которым были приняты важные государственные решения по управлению Якутией.

О якутском князе Мазары Бозекове, яркой исторической личности из истории Якутии XVII - начала XVIII в. до сих пор не было развернутого научного биографического исследования, если не считать некоторые краеведческие и научно-популярные работы (Березкин И.Г. По следам наших предков и современников. Якутск: Кн. изд-во, 1981. С.73-78 (на якут. яз.). Работа была в 1987 г. переиздана на русском языке; Яковлев Е.Л. Хангаласцы от века к веку. Якутск, 2000. С.84-87; Борисов А.А. Мазары Бозеков // Легендарные и исторические личности саха. Якутск: Бичик, 2005. С.32-35; Он же. Мазары Бозеков // Руководители Якутии. Якутск: Бичик, 2012. С.20-23). К сожалению, по причине того, что большинство сочинений так или иначе касавшихся биографии князя

было издано под влиянием идеологических классовых установок советской историографии, многие стереотипные определения о нём переключались в те популяризаторские публикации^[1]. В известной мере, не избежали их и мы в своих ранних научных исследованиях, посвященных другим сюжетам, но где косвенно привлекли некоторые сведения о Мазаре Бозекове^[3; 4]. Речь идет о таких клише, как представления кангаласского князя феодальным владыкой, эксплуататором трудового люда, пособником царизма и т.д. В виду всего этого, думается, давно назрела необходимость попытаться пересмотреть проблему в свете современных достижений науки, а также иначе, более объективно, её поставить. Тем более, что объект изучения заслужил подобного подхода к своей персоне. В этом видится *актуальность* обращения к историографии личности Мазары Бозекова.

Как показывают современные историографические исследования, отношение к самой историографии требует пересмотра и более уважительного к ней отношения как к самостоятельной исторической дисциплине, хотя и носящей вспомогательный характер. Предлагается, например, более тщательно подбирать цитаты для иллюстрации авторского подхода и стиля к изучаемой теме^[8]. Применительно к истории столетия, в котором жил якутский князь, происходит интенсивный историографический разбор основных тенденций^[11]. Констатируя исчерпанность марксистского методологического подхода, обращается внимание на смещение акцентов с изучения «базиса» к исследованию «надстройки», в частности, к истории личности^[11, с.270]. Таким образом, и в отношении к историографии личности Мазары Бозекова видна настоятельная необходимость обращения к этой проблематике с учетом современных теоретико-методологических требований.

Целью настоящего исследования является рассмотрение истории изучения биографии якутского князя Мазары Бозекова с разбором природы представлений, сложившихся на протяжении векового периода, о его личности и деятельности под влиянием исторического контекста.

1. Политическая актуализация личности якутского тойона. Историческая значимость личности якутского тойона (от якут. 'господин, начальник, т.е. представитель знати, элиты) выразилась в формировании яркого фольклорного образа, наметилась определенная степень его циклизации. Это зафиксировали ранние якутские исследователи, начиная с Г.В. Ксенофонтова (1888 - 1938) - первого этнографа из якутов, крупного национального общественно-политического деятеля. Будучи известным адвокатом, и как член Партии федералистов лидером национальной интеллигенции, он находился в гуще событий, много ездил, общался с народом. Постоянно вел записи народных обычаев и фольклора, особенно активно в 1920-х - начале 1930-х гг., в том числе собирал информацию о таких значимых исторических личностях как Мазары Бозеков. Эти материалы готовились им в виде сборника преданий и легенд «Эллэйада», но были опубликованы гораздо позже^[12, 62-63, 74-76, 80-81, 96-97].

Эти фольклорные материалы актуализировались в связи с зарождением национального движения якутов в начале XX в. и, еще шире, - с революционным движением против самодержавия. Не случайно польский политический ссыльный, участник общества «Земля и Воля», поневоле оказавшийся в Якутии, Л.Г. Левенталь (1856 - 1910) косвенно упомянул в своем труде о фискальной системе в Якутии XVIII - XIX вв. поездку якутских тойонов 1677 г., разрешенную царским указом. При этом он пытался провести связь депутации с последним восстанием якутов при смене воеводства Андрея Барнешлева

Иваном Приклонским. Он сделал ссылку на частные бумаги, в которых говорилось о разрешении послать 2-3 князьков при одном «лучшем» человеке с переводчиком [\[13, с.244\]](#). Борьба с царской властью была политическим лозунгом всех оппозиционных сил. Так, другой представитель национального движения якутов, первый якутский историк Г.А. Попов (1887 - 1942) находил его истоки в деятельности якутских князцов XVII в. [\[20, с.73; 20, с.29, 62-63\]](#). В интересах нарождавшегося национального самосознания было искать значимые исторические фигуры лидеров якутского народа.

В своих неопубликованных работах Г.В. Ксенофонтов утверждал идею о монархических порядках, существовавших в прошлом у якутов, о том что кангаласский князь Тынин (фольклорное имя Тыгын) был последним феодальным правителем, который передал свою верховную власть над якутским народом русскому царю [\[21\]](#). Трудно согласиться с данным тезисом учёного в виду недостаточной обоснованности, а его ссылка при том на челобитную грамоту Тыгынова внука Мазары 1680 г. выглядит неубедительно.

Работы Г.А. Попова были опубликованы спустя многие годы по причине репрессий, которым подвергся автор в 1930-е гг. При жизни ученого они не были полностью готовы к публикации, а, кроме того, несут на себе следы влияния эпохи. Г.А. Попов обращался к теме поездки якутских князцов в Москву в специальной главе «Тойонатство на службе великому государю» в книге «Национальное движение якутов до Февральской революции 1917 г.». Заголовок главы и название работы говорят сами за себя. Автор принадлежал к либеральной национальной интеллигенции Якутии, и так выразилась его оппозиционность к свергнутому царскому режиму. По его мнению, сам царь Федор Алексеевич вызвал трех «ясашных князцов и улусных их лучших людей» «к Москве», но почему-то датировал этот вызов 1678 г. Далее, историк отметил, что вопрос о посылке князцов в Москву поднимался при воеводе Барнышеве (на самом деле Барнешлеве). Со ссылкой на опубликованные документы, Г.А. Попов упомянул препятствия, учиненные воеводой поездке якутских князцов посредством камлания шаманов [\[20, с.73; 21, с.29\]](#).

Ученый, пожалуй, первым в историографии написал о том как 25 декабря 1676 г. князцы Мазары, Нокто, Трек с шестью своими людьми «ударили челом» русскому царю тремя сороками соболей и тремя чернобурыми лисицами. Упомянув о смерти Нокто 8 января 1677 г. в Москве, он не объяснил причину его смерти. При этом обе поездки как бы сливаются в одну. Нет оценки причин и результатов поездки. Констатируются лишь факты обращения якутов с просьбой о сложении ясака с умерших, подношений со стороны князцов русскому царю, продажи пушнины на товары, а также то, что Мазары по царскому указу данному И.В. Приклонскому в 1680 г. должен был именоваться «князцом». Отъезд из Москвы датирован февралем 1680 г. [\[21, с.29, 62-63\]](#).

Сделанный же вывод ученого более чем противоречив. «Здесь мы уже видим якутских тойонов - союзников русской власти, которые вместе с казаками покоряли и умирляли «немирных» и «изменников» своих сородичей. Таким образом, дети активных повстанцев и борцов за национальную независимость поступили на службу русской государственной власти», - писал он [\[21, с.29\]](#). Автор не объясняет процесс. Здесь присутствует элемент классового подхода, ставящий в вину якутским тойонам-феодалам предательство по отношению к трудовым массам народа. Кроме того, ни о какой борьбе за национальную независимость в изучаемое время говорить не приходится.

Оба якутских исследователя Г.В. Ксенофонтов и Г.А. Попов считали Мазары представителем якутской феодальной элиты, что, очевидно, было в духе времени.

Господствовал классовый научный подход, он проник в большинство работ историков. Вопрос о феодальном характере якутского общества уже в советской историографии вызывал у многих сомнения.

2. *Данные первых археологических раскопок и современное их прочтение.* Кроме того, Г.В. Ксенофонтов совместно с М.И. Ковыниным в 1933 г. провели раскопки захоронения Мазары Бозекова в м. Тьюэкэй Быраана. К сожалению, им не удалось опубликовать эти материалы [\[3\]](#). Это было сделано позже, краеведами, вначале И.Г. Березкиным (Березкин И.Г. По следам наших предков и современников. Якутск: Кн. изд-во, 1981. С.73-78 (на якут. яз.)), а затем П.В. Винокуровым (Винокуров П.В. Экспедиция на бычьей подводе // Илин. 1999. №3-4). Тем не менее, раскопанные материалы выставлялись в Краеведческом музее, а сам Г.В. Ксенофонтов и художник М.М. Носов под впечатлением их выразительности зарисовали некоторые из них: колчан со стрелами, обувь и т.д. [\[15; 16\]](#). Богатство извлеченного инвентаря доказало значимость личности погребенного под внушительным надмогильным сооружением - деревянным княжеским мавзолеем. Это сооружение в то время ещё знали местные жители, хангаласские якуты, и после проведенного исследования, историческая персона Мазары Бозекова стала достоянием научной и культурной общественности.

Уже в наши дни якутские археологи и этнографы Р.И. Бравина и В.В. Попов обобщили материалы из погребения Мазары Бозекова, изученного в 1933 г., показали их состояние и какую научную интерпретацию они получили. Обобщенное описание помещено в «Каталог грунтовых погребений» под номером 13. При сравнении со многими другими захоронениями по нескольким параметрам гробница хангаласского князя явно выделяется 1) своими размерами, богатством инвентаря: 2) нарядной обувью - *сарыы этэртэс*; 3) перстнем со вставкой цветного камня с фигурной резьбой; 4) железным котлом; большим количеством стрел в колчане (18 шт.); 5) серебряным кругом *туосахта* положенным отдельно [\[5, с.38-39, 115-117, 119, 123-129, 140-141, 220-221\]](#). Данное исследование, проведенное в сравнении со многими выявленными якутскими погребениями, позволяет на основании конкретных вещных предметов представить масштаб личности и политический статус погребенного князя. Материалы раскопок долгое время не были задействованы в историографии, по причине классовой вражды к личности якутского тойона, необоснованно возведенного в ранг «феодала».

3. *Канонические взгляд советской историографии на личность Мазары Бозекова.*

Крупный советский историк, профессор С.А. Токарев (1899 - 1981) несколько позднее, чем Г.В. Ксенофонтов и Г.А. Попов, обратился к личности и деятельности Мазары Бозекова [\[25; 26\]](#), но именно ему, во многом мы обязаны формированию стереотипического образа знаменитого якутского тойона. Так ученый считал его «ревностным слугой царя, пользовавшимся большим авторитетом и у русской администрации» [\[26, с.87\]](#), а поездки якутских князцов 1676-1680 гг. в Москву названы «прямыми домогательствами» [\[25, с.314\]](#).

Визиты представителей якутской знати был в центре внимания. В частности, о первой поездке 1676 - 1677 гг. сообщалось следующее.

Прежде всего, была разобрана *челобитная грамота 3 января 1677 г. на имя царя*, поданная якутским князцами в Сибирский приказ, где говорилось не только о жалобах на притеснения воевод Якова Волконского и Андрея Барнешлева, но содержались и политические требования: передача «небольших» судебных дел в руки князцов «без

градские волокиты», освобождение их от ясака, сбор ясака передать в руки «наряженных» ими «волостных ясачных родников» [\[25, с.314-315; 26, с.84-85\]](#).

Был разобран *царский указ от 9 февраля 1677 г. о привлечении князцов к разбору судебных дел* [\[25, с.314-315; 26, с.84-85\]](#). В соавторстве со своим старшим коллегой, крупным советским ученым, членом-корреспондентом АН СССР, профессором С.В. Бахрушиным (1882 - 1950) был сделан вывод о развитии феодальных отношений у якутов, а царская грамота 1678 г. о совместном суде князцов с ясачными сборщиками трактуется несколько иначе. Отмечено некоторое расширение судебных прав тойонов [Якутия в XVII веке (очерки) / С.В. Бахрушин, С.А. Токарев. Якутск, 1953. С.418-419]. Видный якутский историк, профессор Г.П. Башарин (1912 - 1992) считал, что так якутские тойоны добились «участия в юридической охране собственности на скот» [\[1, с.153\]](#). В продолжение тезиса своего учителя, профессора Г.П. Башарина, другой якутский историк, профессор В.Н. Иванов (1935 - 2021) резонно заметил, что требование трех тойонов в Москве «быть им над родниками своими судьями» в 1677 г. говорит о том, что они хотели вернуть утраченную ими судебную власть [\[6, с.265\]](#).

Также С.А. Токарев писал *о некоторых подробностях поездки 1676 г.*, в частности, о «кормовом жалованьи» на дорогу на 4 месяца, о получении льгот от царя, но о каких не поясняется [\[26, с.88, 138\]](#).

Вторую поездку 1679 г. он считал коммерческой, так как князцы продали 34 сорока 32 соболя за 1,5 тыс. руб. Как писал С.А. Токарев, в своей *челобитной царю 1680 г.* князь назвал себя Мазаречкой Тыгининым [\[26, с.88, 138\]](#). Здесь впервые в историографии обращено внимание на данный факт, который свидетельствовал о большом авторитете и влиянии легендарного деда Мазары - Тыгына.

Позднее, в той совместной работе с С.В. Бахрушиным, С.А. Токарев вновь упоминал об именовании Мазары не Бозековым, а Тыгининым, но при этом также дал ссылку на упоминание его деда, добровольно заплатившего ясак и приведшего аманатов [\[29, с.145\]](#). Последний факт не получает своего объяснения, или трактуется как дополнительное свидетельство классового союза между царизмом и якутским тойонами.

В.Н. Иванов также писал об обретении тойонами официального титула улусного князца в результате челобитных 1679-1680 гг. Чуки Капчинова, Чугуна Бодоева и Мазары Бозекова. Последний перечислил заслуги деда, дяди и свои. Документ о присвоении такого титула Мазары из-за дефекта не был копирован переписчиком Г.Ф. Миллера [\[6, с.354-355\]](#). Последнее наблюдение показывает возрастание интереса к рассматриваемой теме.

С.В. Бахрушин и С.А. Токарев впервые писали о получении Мазарой Бозековым в 1680 г. прав сыскивать и присылать в Якутск преступников, а также отправлять своих родников на соболиные промыслы на лошадях [\[29, с.418-419\]](#). Названные функции были истолкованы в духе времени как наделение тойонов полицейскими и административными правами со стороны феодально-крепостнического государства.

Симптоматично, что авторы второго тома академической «Истории Якутской АССР» со ссылкой на работы С.А. Токарева просто повторили уже известные в историографии того времени сведения об обстоятельствах обеих поездок тойонов в Москву в 1676-1677 и 1679-1680 гг., вновь отметив их ограниченный узкоклассовый характер [\[10, с.82-83\]](#).

Якутский правовед М.М. Федоров (1920 - 2007) конспективно со ссылками на своих предшественников повторил факты подачи депутатией тойонов в 1677 и 1680 гг. челобитной и издания царских указов и наделения их судебными функциями, а также присвоения им титула улусных князцов [\[28, с.104-106\]](#). Позднее в сборнике документов «Памятники права Саха (Якутия)» он при публикации фрагментов челобитной князцов от 3 января 1677 г., выписки из указа от 9 февраля 1677 г. и из «памяти» воеводы И.П. Приклонского сделал комментарий к ним. В нём он подчеркнул, что наделение князцов судебными и полицейскими функциями совпало с фискальными интересами царского правительства [\[17, с.5-9\]](#).

С.А. Токарев, единственный из исследователей, хоть и отрывочно, приводит некоторые факты о раннем периоде жизни Мазары, например, о судебных делах, в которых он выступал истцом или свидетелем [\[25, с.66, 130; 29, с.101, 162\]](#). Излишне писать, как важны сведения о времени становления изучаемой исторической личности. Другое дело, что исследователи не ставили задачи написать цельную биографию якутского князя.

Кроме того, ученому удалось осветить некоторые факты о его деятельности в 1680-1690-е гг. Ученый упоминает об иске борогонского князя Чуки Капчинова 1685-1686 г. о краже у него лошади говорится, что она ходила в Кангаласской волости с лошадьми Мазары Бозекова и о двух судебных исках самого кангаласского князя 1692-1693 гг. [\[26, с.118, 185, 211\]](#). Впрочем, эти факты, как и более ранние, интерпретировались как обыденные случаи из судебной практики Якутского воеводского управления, проводившего крепостническую колонизаторскую политику царского правительства в крае.

Представитель младшего поколения советских историков В.Н. Иванов, освещая деятельность Мазары Бозекова после московских поездок, прокомментировал челобитную 1685 г. князцов Мазары Бозекова, Чугуна Бодоева, Букея Никина и Чуки Капчинова, по итогам которой вновь были расширены судебные права тойонов за счет предоставления им права судить «старые дела» давностью до 20 лет и больше, а служилым людям было запрещено их судить [\[6, с.356\]](#). Тем самым, он продолжил развивать свой тезис о возвращении утраченных якутскими тойонами в результате присоединения Якутии к Русскому государству судебно-административных прав в своих улусах.

В работах С.А. Токарева заметно расширено исследовательское поле. С.А. Токарев впервые привел полностью *текст письма кангаласского якута Сюпсюка Тевелгина Мазаре Бозекову 1690 г.* с просьбой о защите от вилюйских ясачных сборщиков, которую он вернул назад без ответа. Историк отметил, что это самое первое известное письмо такого рода [\[25, с.298\]](#). Данный эпизод был повторен в академической «Истории Якутской АССР» и, вновь с акцентированием внимания на классовости якутского тойона, проигнорировавшего просьбу своего подчиненного улусного человека [\[10, с.83\]](#). К сожалению, во время когда работал С.А. Токарев в фондах архива ЛОИИ АН СССР (ныне НИА СБ ИИ РАН) рассмотренные архивные материалы ещё не были в полной мере археографически описаны и исследователь сделал ссылку без указания на номер единицы хранения.

Ценным является материал, обнаруженный С.А. Токаревым *опоход Мазары Бозекова на индигирских ламутов вместе с Чукой Капчиновым в 1693 г.* во главе отряда в 28 чел. вместе с казаками, где они отбили нападение и путем переговоров добились сдачи [\[25,](#)

[с.292; 26, с.102\]](#). Факт преподносится как свидетельство ревностного служения якутских тоёнов своим классовым союзникам - царю и его воеводам.

В совместной монографии С.В. Бахрушина и С.А. Токарева исследовательское поле были введены новые факты, связанные с деятельностью кангаласского князя. Так, как свидетельство возросшего влияния кангаласского князя приведен факт 1697 г., когда *тунгусы причисленные к Верхневилуйскому зимовью перекочевали и жили у Мазары Бозекова «в Кангаласах»* [\[29, с.214\]](#). В рассматриваемой работе говорится также о челобитье Мазары 1682 г., где он сообщает, что отданные ему на поруки Балтуга и его брат живут не смирно [\[29, с.302\]](#). Напомним, что речь идет о ярканском (жарханском) якуте Балтуге Тимирееве, выступившим в середине 1670-х гг. против произвола ясачных сборщиков, который потерпел поражение и был схвачен посланными воеводой служилыми людьми.

Рассмотренные факты из деятельности Мазары Бозекова в 1680-х - 1690-х гг. в большинстве своем носят частный характер и их трудно связать в общую ткань реконструкции в его биографии. В любом случае, исследователи интерпретировали их в русле концепции колониальной политики царизма и усиления эксплуатации населения Якутии феодально-крепостническим государством.

Между тем, в свете современных тенденция в развитии историографии перспективным выглядит решение проблемы в контексте национальной политики Российского государства в присоединенных к нему в разное время народов и регионов [\[14\]](#).

4. Ревитализация фольклорного образа и перспективы дальнейших исследований

Как представитель улусной элиты Мазары Бозеков занимал в фольклорной памяти народа заметное место. Это отметили в конце XIX в. некоторые авторы, в частности, упомянутый выше Л.Г. Левенталь. Одновременно была записана «Родословная Кангаласского улуса», где говорится, что хангаласский князь был представлен императору Петру I. О ней знали якутоведы начала XX в., но опубликовать её удалось гораздо позже. Это сделал якутский фольклорист С.И. Дьячковский-Боло (1905 - 1938) [\[2\]](#). В 1920-х гг., напомним, активность проявлял Г.В. Ксенофонов, который записывал в большом количестве предания о Масары.

Также и другой якутский историк и общественный деятель Г.А. Попов в небольшой статье, опубликованной в первый раз в 1921 г., писал о том, что у намского якута И.И. Петрова хранилась старинная рукопись, написанная «старинным почерком», о вызове русским царем Алексеем Михайловичем трех якутов, среди которых был предок того якута Никон Нохто. Поскольку рукопись была утрачена, при помощи писателя Г. Черных было восстановлено содержание текста. Тех якутов звали Нохто из Намского, Хара-Бытык-Масары из Кангаласского и Тириянь Орсохов из Мегинского улусов. Поскольку главным героем выступает намский якут выделены следующие моменты: при распросе царя его ответы отличались от ответов его спутников, эпизод с серебряным ковшом, согласие креститься, смерть намского депутата, похищение царских грамоты и подарков и компенсация за них [\[19, с.37-38\]](#).

В научный оборот попали сведения о мудрых ответах царю и соперничестве между якутскими князьями - участниками памятных поездок. Интерес к личности Мазары был велик и составители сборника «Исторические предания и рассказы якутов», вышедшего в 1960 г. под редакцией Г.У. Эргиса сочли необходимым включить новый фольклорный материал о нём. В первом речь идет о рассудительном Баай Масары сыне Тыгына,

поссорившегося с Дуога Боотуром из-за случайно убитой лошади. Он предложил решить спор миром взяв умеренный выкуп в четыре лошади так как с верховьев Вилюя могут прийти разные люди, с которыми может быть придется воевать и тогда люди Дуога Боотура могли бы помочь [\[9, с.261-265, 299\]](#).

В предании «Дьалагай Киилээн посещает ысыах Мазары» говорится о том как на ысыахе хангаласского тойона по случаю благополучного возвращения из поездки в Москву вилюйский силач Дьалагай Киилээн победил зятя хозяина и сумел убежать от погони, посланной последним [\[30, с.83-84\]](#). Опубликование в 1977 г. забытого было и считавшегося утерянным фольклрного сборника «Эллэйада» Г.В. Ксенофонтова было не случайным [\[12\]](#). В него вошло семь образцов легенд и преданий о Масары, а также вариант «Родословия Кангаласского улуса, составленного по словесным преданиям якутских старейшин 10 марта 1896 г.» Составитель отметил, что это «Старинная рукопись. Кем составлена неизвестно. Принадлежала якуту Сатинского наслега Западно-Кангласского улуса Платону Слепцову. От него получил якут Бестяхского наслега Гавриил Афанасьев» [\[12, с.45 - 46\]](#).

В этой связи следует отметить, что после 1930-х гг. фольклорные сведения надолго оказались не востребованными в исторических исследованиях. Исключение составили некоторые краеведческие работы (И.Г. Березкин), хотя фольклористы (Г.У. Эргис) публиковали отдельные исторические предания о Мазары. Между тем, исследовательский потенциал исторического фольклора якутов остается в полной мере не задействованным.

5. Новые аспекты в изучении темы

Как показывает историографический обзор специальных научных работ, посвященных биографии Мазары Бозекова, за исключением некоторых научно-популярных статей, нет. Оценки его личности во многом еще остаются на уровне достижений середины минувшего столетия. Сохраняются представления о нем как о крупном тойоне - феодале, господствовавшем в своей волости, сумевшим благодаря хитрости, настырным «домогательствам» и чувству солидарности с представителями класса феодалов Русского государства, добиться некоторого ослабления ясачного режима и прежде всего привилегий для себя и других якутских тойонов. Поэтому в наши дни настоятельно нужно искать новые аспекты на новых теоретико-методологических основаниях.

В постсоветской историографии в нашей первой монографии упоминаются отдельные ранее известные сведения о Мазары с целью усилить авторскую аргументацию о силе политической власти Тыгына [\[3\]](#). Помимо тех двух наших работ научно-популярного характера, упомянутых в начале статьи, мне удалось уделить некоторое внимание личности князя в монографии в контексте традиционной личности в изменяющихся условиях перехода общества к новому времени [\[4\]](#). Думается, в тех наших работах использование исторического фольклора якутов уже дало неплохие результаты.

Новизной отличается одна из последних работ В.Н. Иванова о представителях якутского народа, участниках поездки в Москву в 1676 г. [\[7\]](#) Автор стремился преодолеть прежние стереотипы идеологического характера на путях признания их этническими лидерами своего народа. Также заслуживают внимания авторские тезисы об особенностях государственной политики царского правительства, стремившегося к диалогу со своими подданными, населявшими одну из отделенных окраин большой страны.

Как нам представляется вызов царем якутских тойонов в столицу был неслучаен. Отдавая должное личности Федора Алексеевича, который правил всего лишь шесть, тем не менее остался в истории России как молодой просвещенный государь, укажем на особенности государственной политики в отношении кочевых народов, присоединенных в то время. Шел активный процесс их интеграции в составе державы. Различные группы татар от Поволжья до Сибири к изучаемому времени уже заметно ассоциировались в составе евразийского государства в качестве ясачных и служилых категорий населения. Представители высшей татарской знати пополнили ряды первостатейной аристократии Русского государства. Средние и низшие группы татарской знати заняли свою нишу в толще формировавшегося российского дворянства.

Аналогичные процессы происходили у башкир, но с некоторыми отличиями. Наконец, в первой половине XVII в. в Поволжье прикочевали многочисленные калмыцкие улусы. Их тайши и ханы начали переходить в подданство русского царя. Как и все до них присоединенные к Русскому государству народы они давали *шерть* - присягу на верность последнему.

Вот и в год приезда якутских князей имели место подобные события. Так, 15 января 1677 г. Аюка хан принес вторую шерть царю Федору Алексеевичу [\[24\]](#). Якутские же тойоны побывали на высоком приеме чуть раньше 3 января того же года. Очевидно, что визит якутских князей в столицу и деятельность Мазары Бозекова в этот период следует рассматривать в более широком общероссийском политическом аспекте.

Заключение

Таким образом, историографический анализ осуществленный в настоящей статье показывает, что специальных научных публикаций, посвященных личности якутского князя Мазары Бозекова не было, за исключением, некоторых статей научно-популярного характера.

Исследователи, в основном, советского периода, использовали сюжеты, связанные с деятельностью Мазары Бозекова в контексте исследований, посвященных другой проблематике. И с самого начала они стали придавать личности якутского князя определенный идеологизированный подтекст. Это, и идеализирование его личности как предтечу национального движения якутов (Г.В. Ксенофонов, Г.А. Попов), и определение его классового статуса в качестве видного представителя якутских феодалов, вступившего в сговор с царем и его воеводами для эксплуатации трудящихся масс.

Подобный настрой попал на страницы научно-популярных и краеведческих работ, он чувствуется и в современных публикациях. Между тем, следует признать, что в свете современных достижений науки, и такого рода издания требуют ознакомления с ними в интересах широкого круга читателей.

В ходе историографического анализа были выявлены успехи исследователей, которые в той или иной степени обращались к личности якутского князя, в выявлении сведений о нём в историческом фольклоре якутов. Они существенно дополняют данные исторических документов, хранящихся в архивах Москвы и Санкт-Петербурга. Разработка этих материалов в архиве ЛОИИ АН СССР (НИА СПБИИ РАН) и РГАДА началась в самый ранний период историографии. Наибольших успехов достигли С.В. Бахрушин и С.А. Токарев. Последнему удалось ввести в научный оборот немало документов, как по раннему, так и по позднему периоду в жизни Мазары Бозекова. Больше всего

документов было выявлено о поездках его в составе делегации якутских князцов к царю в 1676-1677 и 1679-1680 гг. Главный вывод, очевидно, не может отвечать современным требованиям историографической науки. Речь идет об ограничении исторического значения этих важных акций представителей якутской элиты личными домогательствами в рамках их классовых интересов. С ними были согласны, в целом, историки последующих поколения Г.П. Башарин, М.М. Федоров, В.Н. Иванов и др.

Между тем, современные теоретико-методологические подходы позволяют по-новому взглянуть на личность Мазары Бозекова. В частности, это видно по последней работе В.Н. Иванова, в которой он ввел в научный оборот новые архивные материалы из РГАДА и в которой он предложил рассматривать якутских князей, участвовавших в поездках как этнических лидеров. И это на фоне продуманных рассуждений историка о политике царского правительства, направленной на сотрудничество с элитами народов, присоединенных к Русскому государству в XVI-XVII вв.

Изучение поставленной проблемы требует новых исследований в плане не только поиска дополнительных источников, но и в с точки зрения её современного научного осмысления.

[1] Так, в самом начале своей статьи В.И. Пестерев пишет о том, что его отец вместе с братом Челляем и тремя другими кангаласскими «лутчими людьми» был казнен воеводой Головиным в 1642 г. как руководители подавленного восстания. Вновь отметим, что обстоятельства и характер тех событий не так однозначны в свете современных исследований. Поэтому подобные определения носят скорее декларативный характер. Это становится еще более определенным, когда далее автор пишет о том, что затем сын казненного «руководителя восстания» стал вдруг исправно платить ясаk, выслуживаться перед властями. Спустя время вдруг он стал тяготиться «опекой воеводы и казаков» и посоветовавшись с другими князцами решил «свидеться» с царем.

Имя борогонского князца, со-товарища Мазары искажено, вместо Чука Капчинов написано Чюка Капчиков. «Память» воеводы П.П. Зиновьева определена как «памятка». В завершении утверждается, что вторая поездка сделала Мазары знатным лицом не только среди тойонов, но и среди воеводской администрации. Здесь скорее можно говорить о повышении авторитета Мазары, ведь знатным лицом он был и до поездки (Пестерев В.И. Бьет челом холоп твой Мазарычко Бозеков // Страницы истории Якутии в документах, легендах, мифах. Якутск, 2000. С.89-91).

[2] Нашу критику по этому поводу см.: Борисов А.А. Тыгын: человек, легенда, символ // Илин. 2001. №3-4. С.18-21.

[3] Сами предметы хранятся в фондах ЯГОМИКНС им. Ем. Ярославского в г.Якутске. Документальное описание раскопок отложилось в фондах НА РС (Я). См.: Ф. Р-1413. Оп.1. Д.2; Ф.Р-1407. Оп.1. Д. 28.

Библиография

1. Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии (XV-XIX в.). В 2-х т. Т.1. М.: Арт-Флекс, 2003. 448 с.
2. Боло С.И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену (по преиям якутов бывшего Якутского округа). М. : Якут. гос. изд-во, 1938. 227 с. (на якут. яз.).
3. Борисов А.А. Социальная история якутов в позднее средневековье и новое время. Новосибирск: Наука, 2010. 280 с.

4. Борисов А.А. Якутские улусы в эпоху Тыгына. Якутск: Бичик, 1997. 160 с.
5. Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV-XIX вв.). Новосибирск: Наука, 2008. 313 с.
6. Иванов В.Н. Социально-экономические отношения у якутов. XVII век. Якутск: Кн. изд-во, 1966. 424 с.
7. Иванов В.Н. Представители якутского народа на приеме у русского царя. 1676 г. // Новый исторический вестник. 2017. №1. С.6-30.
8. Исаев С.А. Как сделать исследования по историографии интересными? // Петербургский исторический журнал. 2020. №1. С.242-257.
9. Исторические предания и рассказы якутов. В 2-х ч. Ч.1 Сост. Г.У. Эргис. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 323 с.
10. История Якутской АССР. Т.2. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 420 с.
11. Кошелева О.Е. Современная отечественная историография России предпетровского времени: новые аспекты// Quaestio Rossica. 2018. Т. 6, № 1. С. 269-289.
12. Ксенофонтов Г.В. Эллэйада. Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. М.: Наука, 1977. 352 с.
13. Левенталь Л.Г. Подати, повинности и земля у якутов // Материалы по обычному праву и общественному быту якутов. Л. Изд-во АН СССР, 1929. С.220-448
14. Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления / С.Г. Агаджанов, В.В. Трепавлов. М. Славянский диалог, 1998. 416 с.
15. Носов М.М. Одежда и ее украшения у якутов XVII-XVIII веков // Сб. науч. статей Якут. респ. краеведческого музея. Якутск, 1955. Вып. I. С.84-137.
16. Носов М.М. Художественные бытовые изделия якутов XVIII — начала XX веков. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1988. 112 с.
17. Памятники права Саха (Якутия): сб. док-ов и материалов / Отв. ред. М.М. Федоров. Якутск: Бичик, 1994. 200 с.
18. Пилипчук Я.В. Калмыцкое ханство во времена правления Аюка хана и его отношения с тюрками // Средневековые тюрко-татарские государства. 2015. №7. С.139-151.
19. Попов Г.А. Якуты на приеме у московского царя // Красный Север. 1921. №2. С.37-38.
20. Попов Г.А. Сочинения. Т.I. Якутск: ЯГУ, ИГИ АН РС (Я), 2005. 306 с.
21. Попов Г.А. Сочинения. Т.VI. Якутск: Алаас, 2016. 264 с.
22. Самигулов Г.Х., Тычинских З.А. Новые источники по истории мурз Кульмаметевых // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. №1. С.99-106.
23. Самигулов Г.Х., Тычинских З.А. Формирование земельных владений мурз Кульмаметевых и Сейдяшевых в XVII веке // Научный диалог. 2017. №9. С.182-201.
24. Тепкеев В.Т. Аюка хан и его время. Элиста : Калмыцкий научный центр Российской академии наук, 2018. 366 с.
25. Токарев С.А. Общественный строй якутов XVII-XVIII вв. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1945. 412 с.
26. Токарев С.А. Очерк истории якутского народа. М: Гос. соц.-экон. изд-во, 1940. 248 с.
27. Тычинских З.А., Самигулов Г.Х. Сведения о сибирских мурзах Кульмаметевых в свете поколенной росписи конца XVIII века // Научный диалог. 2019. № 11. С. 444 —456.

28. Федоров М.М. История правового положения народов Восточной Сибири в составе России. Иркутск: ИрГУ, 1991. С.104-106.
29. Якутия в XVII веке (очерки) / С.В. Бахрушин, С.А. Токарев. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1953. 439 с.
30. Якутские исторические предания и рассказы якутов / Сост. И.Г. Березкин. Якутск: Кн. изд-во, 1977. 304 с. (на якут. яз.)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв

на статью «Якутский князь Мазары Бозеков в историографии: опыт биографической реконструкции»

Предмет исследования обозначен в названии и разъяснен в тексте статьи.

Методология исследования опирается на принципы научности, объективности, системности и историзма. Автор использовал как общенаучные методы (анализ и синтез), так и исторические (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-проблемный, биографический и ретроспективный).

Актуальность. Определяется личностью якутского князя Мазары Бозекова в истории якутского народа в XVII-начала XVIII в. века, формированием его образа в фольклоре народа и его цикличностью. Актуальность связана с тем, что до настоящего времени, как отмечает автор рецензируемой статьи «не было развернутого научного биографического исследования, если не считать некоторые краеведческие и научно-популярные работы». Актуальность темы обусловлена также тем, отмечает автор рецензируемой статьи, что большинство сочинений так или иначе касавшихся биографии князя было издано под влиянием идеологических классовых установок советской историографии... и давно назрела необходимость попытаться пересмотреть проблему в свете современных достижений науки, а также иначе, более объективно, её поставить». Автор пишет, что в отношении к историографии личности Мазары Бозекова видна настоятельная необходимость обращения к этой проблематике с учетом современных теоретико-методологических требований».

Научная новизна определяется постановкой проблемы и задач исследования. Научная новизна работы заключается также в том, что работа написана с опорой на достижения современной исторической науки. Автор отмечает, что целью статьи является «рассмотрение истории изучения биографии якутского князя Мазары Бозекова с разбором природы представлений, сложившихся на протяжении векового периода, о его личности и деятельности под влиянием исторического контекста».

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи научный, с элементами описательности, что делает текст статьи легким для чтения и восприятия не только специалистами, но более широком кругом читателей. Структура работы нацелена на достижение цели и задач исследования. В начале статьи автор раскрывает актуальность темы, цели исследования, показывает какие вопросы изучали исследователи, которые занимались биографией якутского князя и какие задачи предстоит решить в настоящее время. Исследуя как исследователи изучали биографию якутского князя Мазары Бозекова автор анализирует следующие вопросы: 1. Политическая актуализация личности якутского тайона; 2. Данные первых археологических раскопок и современное их прочтение; 3. Канонические взгляд советской историографии на личность Мазары

Бозекова; 4. Ревитализация фольклорного образа и перспективы дальнейших исследований; 5. Новые аспекты в изучении темы. В заключении работы автор приходит к объективным выводам и пишет, биография М. Бозекова изучалась советскими исследователями в контексте исследований, посвященных системе феодализма и российского управления Якутией и др. темами, изучавшие классовые противоречия, в силу этого о М.Бозекове сложилось представление как о крупном феодале «господствовавшем в своей волости, сумевшим благодаря хитрости, настырным «домогательствам» и чувству солидарности с представителями класса феодалов Русского государства, добиться некоторого ослабления ясачного режима и прежде всего привилегий для себя и других якутских тойонов». Автор отмечает, что «нужно искать новые аспекты его личности «на новых теоретико-методологических основаниях». Автор пишет, что необходимо с опорой на имеющийся комплекс исторических документов, хранящихся в архивах Москвы и Санкт-Петербурга, в частности архиве ЛОИИ АН СССР (НИА СПбИИ РАН) и РГАДА необходимо дополнить фольклорными материалами якутов о Мазаре Бозекове, а также археологическими материалами из захоронения Мазара Бозекова и на основе современных теоретико-методологических подходов по-новому взглянуть на личность Мазара Бозекова.

Библиография работы разнопланова и состоит из 30 источников и показывает, что автор глубоко разбирается в теме. Автор рецензируемой работы давно занимается исследуемой темой материал знает всесторонне и глубоко.

Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранного в ходе работы над темой статьи информации, проведенного анализа и библиографии работы.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья написана на актуальную тему и без сомнения даст импульс дальнейшему изучению данной темы и смежных тем. Статья будет интересна специалистам и широкому кругу читателей.